

'князь'¹ — словом, какое-то 'начальствующее лицо, главарь'; лиса посылает к нему мерина за ножом. Перевод *чадõ* словом 'малый, малец' совсем не подходит по смыслу — владельцем ножа не мог быть какой-то малец, а таковым должно было быть знатное лицо, должностная особа. Этому слову можно дать следующую этимологию. В *чад-õ* конечный *-õ* является субстантивирующим суффиксом, суффиксом «лица», ср. *кыс-кыс* — подзывной клич кошке, *кысõ* детск. 'кошка, киса'; *чиб-чиб* — подзывной клич жеребенку, *чибõ* детск. 'жеребенок, лошадь' и т. д. Корень слова *чад-* следует сопоставить с эрз. *чандо* этн. 'денежный выкуп (ранее — при свадебных обрядах)' (М. Н. Коляденков, Н. Ф. Цыганов, Эрзянско-русский словарь, Москва 1949). Эрзянское слово сопоставляется с прибалтийско-финскими словами: фин. *hinta*, кар. *hinda*, вепс., эст. *hind*, лив. *inda* (FUF

XX 1929, стр. 84; FUF XXIX 1946, стр. 301; SKES I).

Кроме значения 'деньги', рассматриваемое слово имеет семантику 'достоинство, почет'. Коми фольклорное *чадõ* (? < обшперм. **čad-*) могло означать 'почетное (лицо); жрец' или 'воевода, князь'. Сопоставление коми слова с мордовским и прибалтийско-финскими словами не встречает затруднений фонетического характера. Стало быть, оно восходит к пермско-финскому периоду.

Мы ограничимся рассмотрением этих слов, встречающихся в коми фольклоре. В произведениях народной словесности имеется немало слов, не дающих в современном языке смысла, например, названия таких персонажей детских сказок, как *руй*, *дуда*, *лень* и др., которым до сих пор нет удовлетворительной этимологии.

В целом рецензируемая книга является весьма полезной, она может служить прекрасным учебным пособием для студентов, изучающих коми-зырянские диалекты.

В. И. ЛЫТКИН (Москва)

¹ См. Г. С. Лыткин, Зырянский край, Санкт-Петербург 1889, стр. 163.

<https://doi.org/10.3176/lu.1973.1.13>

Т. И. Тепляшина, Язык бесермян, Москва 1970. 288 стр.

Монография Т. И. Тепляшиной «Язык бесермян» посвящена языку этнической группы, происхождение которой до сих пор для науки оставалось загадочным, а язык не подвергался специальному изучению.

Автор ставит своей целью дать полное описание живой речи бесермян и по возможности найти объяснение возникновению специфических языковых явлений этой своеобразной этнической группы, проживающей в тесном контакте с удмуртским народом. Кроме того, в работе делается попытка на основе анализа языковых материалов объяснить проблему происхождения бесермян.

До сих пор изучением бесермянской этнической группы занимались этнографы и антропологи, оставляя без внимания языковые особенности живой речи бесермян. Издание монографической работы «Язык бесермян» удачно восполняет этот пробел. В книге впервые дается обобщенное описание этого диалекта удмуртского языка в сравнении с другими.

В данной книге рассматривается фонетический и морфологический строй бесермянского диалекта на основе огромного материала, собранного автором в течение многих лет на территории проживания его носителей (Удмуртская АССР и Кировская область).

Непосредственному анализу языковых материалов предпослан обзор литературы, посвященной проблеме происхождения бесермян. Тщательно изучив исторические документы, хранящиеся в различных архивах нашей страны, автор знакомит читателя с местами проживания этой народности со времени упоминания ее в литературе (конец XIV в.) и с ее современным расселением.

В главе «Фонетика» дан анализ основных вопросов фонетического строя бесермянского диалекта, что особенно важно для понимания и освещения вопросов истории удмуртского языка. При синхронном описании звуковой системы в целом ряде случаев Т. И. Тепляшина прибегает к историческим экскурсам, привлекая язы-

ковые материалы исторической фонетики пермских и финно-угорских, а также тюркских (чувашского, татарского) языков. Такие специфические особенности звуковой системы бесермянского диалекта, как замену среднерядного удмуртского *ö* бесермянским переднерядным *e*, удмуртских шипящих согласных *š*, *ž* бесермянскими свистящими *s*, *z*, удмуртских твердых шипящих аффрикат *č*, *ž* бесермянскими шипящими *š*, *ž*, смягчение согласных под влиянием соседних гласных *i*, *e*, автор, на наш взгляд, убедительно доказывает влияние тюркского субстрата.

Совершенно иное мнение по вопросу о замене шипящих свистящими в языке бесермян высказал Б. А. Серебрянников (Еще раз о замене шипящих свистящими в языке бесермян. — СФУ VIII 1972, стр. 39—45). Он считает переходы *š* > *s* и *ž* > *z* в части бесермянских говоров результатом внутреннего развития системы удмуртского консонантизма в отдельных бесермянских говорах. По-видимому, вопрос о причине упомянутого языкового изменения требует дальнейшего исследования.

Ценный дополнительный материал по исторической фонетике пермских языков представляют также сведения о разной передаче общепермского заднерядного **ʁ* и переднерядного **ʀ* в бесермянском диалекте.

В главе «Морфология» дан анализ имени существительного, прилагательного, местоимения, числительного и глагола. Т. И. Тепляшина выявила ряд специфических особенностей в морфологии бесермян-

ского диалекта. На конкретных примерах она показывает общность некоторых своеобразий для всех чепецких (северноудмуртских) говоров и считает их северноудмуртскими заимствованиями. Значительная же часть языковых особенностей бесермянского диалекта сходна с особенностями архаичных южноудмуртских диалектов, и, следовательно, представляет собой в какой-то мере отражение древнего состояния удмуртского языка. В силу этого исследование Т. И. Тепляшиной служит неоценимым источником для реконструкции древнего состояния исторической морфологии пермских языков.

Большую ценность представляют также образцы речи бесермян, помещенные в конце книги.

С достаточной полнотой использована литература вопроса. Единственный пробел с точки зрения использования материала — автор почему-то ни разу не упоминает статью Г. А. Архипова «Бесермянское наречие удмуртского языка» (*Soomeugri keelte dialektoloogia alane nõupidamine* 23.—27. VI 1958. *Ettekannete teesid*, Tartu 1958, стр. 7—10). В главе «Морфология» вызывает сомнение необходимость выделения в отдельный разряд выделительно-личных местоимений.

Указанные недостатки незначительны и никоим образом не влияют на общую положительную оценку работы. Богатое по содержанию и интересное исследование Т. И. Тепляшиной — образец для изучения других диалектов, значительный вклад не только в удмуртское, но и в финно-угорское языкознание.

Л. И. КАЛИНИНА (Ижевск)

Rosemarie Radomski, Ostjakische Ortsnamen. Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophischen Fakultät der Christian-Albrechts-Universität zu Kiel, Kiel 1969.

Die Untersuchungen zu Fragen der Namenskunde, insbesondere der Orts- und Gewässernamen, haben in den letzten Jahren eine sehr viel breitere Basis auch auf finnisch-ugrischem Gebiet erhalten. Es sind bereits eine Anzahl wichtiger Arbeiten erschienen, die sich mit dem Territorium des sowjetischen Nordens und dem westsibirischen Raum beschäftigen (Dulson, Kalinina, Kornilov, Matvejev, Serebrennikov u. a.). Eine zu diesem Themenkreis

gehörende Dissertation legte Rosemarie Radomski-Brachwitz im Jahre 1969 vor. Verfasserin untersucht in ihrer Arbeit den Strukturaufbau der ostjakischen Orts- und Gewässernamen. Ihre Dissertation ist die Fortsetzung ihrer 1956 an der Berliner Humboldt-Universität vorgelegten, auf eine Anregung von Prof. W. Steinitz zurückgehenden Diplomarbeit.

Anhand des sehr umfangreichen, aus alten und neuen Quellen zusammengetra-